

Александр Охрименко

И ДЕТСКИЕ, И ВЗРОСЛЫЕ ПОЭТЫ

Речь пойдёт о поэтах, которые писали не только для детей, но и для взрослых, а иногда наоборот: «взрослые» поэты обращались к детской поэзии.

Как правило, начинающий поэт пишет только «взрослые» стихи (как, например, 14-летний Самуил Маршак или 13-летний Валентин Берестов). Критик Чуковский, инженер Вадим Левин да и тот же Берестов начали писать детские стихи, обращаясь к собственным детям. Но Корней Чуковский так и не написал стихов для взрослых. Или Эмма Мошковская, которая сочиняла стихи для детей, будучи музыкантом-профессионалом, но для взрослых тоже ничего не написала.

Нам же будет интересен случай соединения «взрослого» и «детского» в творчестве одного поэта.

Вадим Левин

Детского поэта Вадима Левина любят не только в его родном Харькове, но и в Москве, Нью-Йорке, Лондоне, Тель-Авиве, Гамбурге. Портрет лошади на обложке знаменитой книги «Глупая лошадь» стал чуть ли не символом литературного Харькова. Все любители детской поэзии знают историю о бережливой лошадке, жалеющей новые калоши. Но вот взрослое стихотворение Левина о поэтической душе этой героини известно не так широко.

Александр Охрименко
критик
Харьков
ohra340@gmail.com

Стихи о Лошади

*Артисту Виктору ПЕРСИКУ,
исполнителю программы «Глупая Лошадь и Ко»*

Увидав её, люди смеялись в кулак
и кривлялись друг другу:
«Хи-хи!
эта лошадь — больна,
эта лошадь — чудак,
эта лошадь влюбилась в стихи!
Нет, своих сочинений у лошади нет,
даже песен не пишет она.
Нет, она не поёт,
нет, она не поэт,
но в чужие стихи влюблена!..»
Нам прекрасная сущность не в каждом видна,
мы охотнее видим грехи.
Эта лошадь была для стихов создана,
эта лошадь любила стихи,
и нередко, услышав звучанье стихов,
забывала она про овёс
и внимала стихам, восхищаясь без слов
и в восторге рыдая без слёз.
Влюблена в стихотворную странную речь,
полнозвучное слово ценя,
эта лошадь себя не умела беречь
от насмешек и злого вранья.
Пусть о ней чепуху говорили вокруг,
неприятно смеялись «хи-хи»,
эта лошадь была мне помощник и друг,
и о ней сочинил я стихи,
чтобы в них сохранить её образ навек...
.....
Вот какой эта лошадь была человек!

Сам Левин так говорит о переплетении и взаимодополняемости своих разных ипостасей: «Считаю себя прежде всего педагогом. Но я не мог бы им быть, если бы перестал писать для детей. И если бы отказался от научной работы (по психологии), то, наверно, тоже остановился бы как учитель. А с другой стороны, как бы я писал для детей, если бы не играл, не разговаривал и не удивлялся малышам и с малышами?»

В то же время Левин является автором ряда лирических стихов, очевидно подразумевающих взрослого адресата. Например,

«Река Хопёр» — совсем «взрослое» стихотворение, несмотря на ясность и простоту сюжета. Воспоминание о байдарочном походе даёт второй, философский план о заданности, предопределённости жизненного пути, по которому движешься, как по неизменному руслу реки. Что мы можем? Только вовремя прекратить разговор...

Но даже о бренности бытия Левину удастся написать в рамках гармонии. И тогда стих становится песней «Всё дольше четверги, короче воскресенья. . .» (стихотворение «Осеннее»). Поэт, осознавая конечность бытия, напишет о естественности ухода, сообразном природе, и песня эта будет надеждой и опорой будущим поколениям:

И погрустят о том, что и они не вечны,
 что облетает лес и замерзает луг.
 И помолчат о том — приятно и безопасно, —
 что каждый в свой черед покинет этот круг.

Но что мы всё о грустном!? Ведь и взрослый, и детский Вадим Левин — это прежде всего юмор и веселье! Вадим Левин был одним из участников коллектива создателей образа «душелюба и людоведа Евгения Сазонова» в Клубе «12 стульев» «Литгазеты». Он «отвечал» за детство писателя («Соска», «Первая раздумина»). Левин считает, что взрослому хорошо бы сохранить такие «завоевания» детства как праздничность, эмоциональность, целостность восприятия мира.

Марина Бородицкая

Впервые я увидел стихи Марины Бородицкой в сборнике «Спросите меня» (1988) и сразу был очарован ими. Какое подробное «Краткое руководство по отращиванию длинных кос»:

Эх, мальчишкам не понять,
 Что за наслажденье —
 Косы длинные растить
 Чуть ли не с рожденья!

Оказывается их нужно промывать «то настоем диких трав, то желтком яичным», «дождевой водицей». И для чего всё это? Чтобы «потом пойти занять очередь на стрижку и решительно сказать: „Режьте под мальчишку!“».

А как замечательно путешествуют в «авоське» два приятеля — Бублик и Батон! Их ожидала разная судьба:

Бублик познакомился
С горкой ледяной,
С четырьмя мальчишками,
С девочкой одной,
А Батон — с кастрюльками,
С теплым молоком,
С бородатым дедушкой,
С рыженьким щенком.

Тёплый и неожиданный взгляд!

Неожиданная концовка и у стихотворения «Уехал младший брат». Какая благодать старшему без него! Никто теперь не берёт без спросу его значков и марок, никто не заорёт неожиданно за спиной: «Сдавайся!». И вот в конце неожиданное признание:

Чем хочешь занимайся —
Вот жизнь-то!
Вот тоска!

А вот нарядный «Первоклассник» степенно идёт в школу:

Даже в лужу не зашел:
Погляделся — и прошел.

А вот прогнозы о будущей жизни новенького ранца из стихотворения «Первое сентября»:

Его никогда
Не ударят ногою,
На нём ни за что
Не прокатятся с горки,
В нём станут селиться
Сплошные пятёрки!

Если есть воображение, то и горе — не беда! «Вечер», мальчишка потерял ключи, друзей во дворе уже нет, но что это за светлые квадратiki на земле?

Как быстро сумерки пришли!
Во всех квартирах свет зажгли,
И разноцветные квадраты
Легли на снег сиреневатый.
Хожу с квадрата на квадрат,
Из света в свет, за рядом ряд,
На чёрточки не наступаю,

Из дома в дом переступаю:
 Я обхожу микрорайон,
 Как доктор или почтальон. . .
 Нет! Я гроссмейстер над доскою:
 Скачу конём! скольжу ладьёю!
 . . . Никак домой не попаду.
 Ключи посеял. Маму жду.

Позже я купил еще две книги Бородинской. Обе вышли в 1985 году — «Давайте мириться!» и «Убежало молоко», и, прочтя их, утвердился во мнении, что Марина Бородинская — новый классик детской поэзии.

Но есть у меня сборник и взрослых стихов Бородинской («Ока-зывается, можно», 2005). Когда я беру его в руки, то вспоминаю, как читает свои стихи сама поэтесса.

Своё чтение Марина Бородинская начинает с объяснения, что у неё три головы — одна для взрослых стихов, вторая — для детских, третья — для переводов. И начинает она чтение с «молодых» стихов («Я раздеваю солдата»), где она осторожно освобождает спящего от формы, от кобуры и прочей военной амуниции, перетаскивая спящего на кровать. «Я бы всех их раздела» — таков эротический, пацифистский финал.

Следующее — о тотальной власти Амура: «„Амур-р! Амур-р!“ — вызывает серый кот», и «медногрудый конь» в стойле, и «седой профессор», и

лосось полуживой к верховьям прёт,
 и ласточка кричит, и голубь стонет.

Как объединяются люди? Людей объединяют вещи:

Светлый пенал из дощечек и дальше по списку:
 Кеды китайские, с белой каемочкой майку,
 И промокашку, и вставочку, и перочистку.

Внимание к вещам, будь то стаканчики мороженого по семь и по десять копеек или коньки, характерно для поэзии Бородинской и составляет важную часть «памяти детства».

И все развеется, как снежный прах,
 Все в Лету утечет с весной слезливой!
 И лишь уменье бегать на коньках,
 Дурацкая привычка быть счастливой.

Обстоятельства личной жизни в стихах приобретают эстетическую завершённость, выглядят неслучайными. Например, в стихотворении «К другу стихотворцу» довольно весело (а по сути, драматично) описывается момент расставания:

Мы вместе пили, мы вместе ели,
Но согласись, мон амур,
Что два поэта в одной постели —
Всё-таки чересчур.

Утешение же в том, что эта разлука станет материалом для творчества.

Не лучше ль двум разойтись поэтам
По койкам — да на покой,
И по стишку сочинить об этом?
Прочти, как закончишь свой!

А вот вещный мир в «Трёхпрудном переулке» становится не только фоном времени, но и таинственно перетекает в само это время. В нём есть не только материя для радостного платья фасона «фигаро», которое портниха тётя Муся шьёт маме, но и материя самой жизни.

Сонный морок, снятое заклатье,
Смуглых рук июньская пыльца...
Горький дух из радостного платья
Выветрится. Но не до конца.

А «Прогульщик и прогульщица» — это уже о любви. Школу эта парочка прогуливала в музее.

Повесив куртки на крючки,
В египетском отделе
В пластмассовые номерки
Друг дружке пальцы вдели

И не случайно Бородицкая представляет памятник себе на небольшом постаменте и чтобы рядом была песочница для малышей, и горка, и скамья для поцелуев, «и ходят студенты и гладят пускай / — на счастье — тетрадки отогнутый край».

Михаил Яснов

Стихи Яснова знает, без преувеличения, большинство детей. Поэтические тексты Яснова почти всегда построены как игра. Ведь дети играют и в самый ответственный момент на кухне. Даже мясной фарш отвечает по-солдатски:

—Ну-ка, мясо, в мясорубку!
 Ну-ка, мясо, в мясорубку!
 Ну-ка, мясо, в мясорубку,
 Шагом... марш!
 —Стой! Кто идёт?
 —Фарш!

(Я помогаю на кухне)

Игры со словами даже и выдумывать не нужно — их придумал сам язык. И Яснов размышляет вместе с малышом: «Много кошек — КОШКИ». А пони? Будет одна поня или одна понь?

ПОНИ —
 Это значит:
 МНОГО!
 А она —
 Совсем одна. . .
 Может, скажет пони-мать,
 Как
 Всё это
 Понимать?

А что если в словах изменять по одной букве?

—Я иду песочком!
 —А я иду пешочком!
 —Я иду с миской!
 —А я иду с Мишкой!
 —Я — за малиной!
 —А я — за Мариной!
 —Я иду песочком с миской за малиной!
 —А я иду пешочком с Мишкой за Мариной!

(Песочком и пешочком)

Попросите детей прочитать это как скороговорку и ребёнок будет идти то с миской за Мариной, то с Мишкой за малиной.

А вот как игра обновляет горьковское «Человек — это звучит гордо!»:

Я придумываю фамилии

Утёнок — УТОЧКИН!
 Цыплёнок — КУРОЧКИН!
 Щенок — СОБАЧКИН!
 Жеребёнок — КЛЯЧКИН!
 Барашек — ОВЕЧКИН!
 А я?
 —ЧЕЛОВЕЧКИН!

И получается у ребёнка, что если «петух — петушится», то «лягушка» что ли «лягается»? Такая детская этимология заставляет вспомнить нас книгу Корнея Чуковского «От двух до пяти». А котёнок у Яснова «имя учит — и мяучит»! И «Медвежонок» обижается на замечание — он не насвинячил, а «намедведил»!

А как разобраться ребёнку в полисемии, если только у глагола «идти» существует 27 значений! В этом ракурсе Яснов обыгрывает глагол «нести»:

Семен портфель несёт в руке,
 Павлуша — двойку в дневнике.
 Сережа сел на пароход —
 Морскую вахту он несёт.
 Андрюша ходит в силачах —
 Рюкзак несёт он на плечах.
 Задиру Мишу Петр побил —
 Несет потери Михаил.
 Степан не закрывает рот:
 Он чепуху весь день несёт!

(Кто что несёт)

Все мы знаем о таком жанре как «дразнилки», а Яснов придумал новый жанр «мирилки». Как хорошо с этим детским поэтом учить азбуку! Осваивая букву «Я», осваиваем и уникальность, неповторимость, индивидуальность собственного отражения в зеркале:

Я у мамы! Я у мамы!
 У моей! У этой самой!
 Я! Не кто-нибудь другой!
 Я! Вот этот! Сам собой!
 Не Маруся!

И не Вовик!
 Не соседский пудель Бобик! Я! Из всех моих друзей!
 Я у мамочки моей!
 Я родился!
 Есть!
 И буду!
 Вот какое в мире чудо!

Если детские стихи Яснова безмятежно-радостны, то во взрослой его поэзии нередко слышатся драматические, а то и трагические ноты.

Вы помните портреты выпускников-медалистов на школьном стенде и звание «Первый ученик школы»? Как неожиданно горько звучат числительные в стихах Яснова: «Спились и первый, и второй», а «пятого» предал «шестой»:

Талантливые мальчики конца пятидесятых —
 уже по школам, как велось, портреты не висят их,
 и свет медалей выпускных на бархате коробок
 померк при серебре седин и золоте коронок.
 Давно идет печальный счет дорогою истертой:
 спились и первый, и второй, и третий, и четвертый,
 и предал пятого шестой, как верный соглядатай,
 и за бугром седьмой, восьмой, девятый и десятый.
 Талантливые мальчики уходят без оглядки.
 Я, слава Богу, уцелел: я во втором десятке.
 Покинув старые двory, подъезды, подворотни,
 идет десяток наш вперед навстречу черной сотне.
 Уже остались позади и трусы, и герои.
 Уже осталось нас, как встарь, то ль четверо, то ль трое.
 Но давний опыт не избыт и не забыты строчки, —
 а это значит: как один, умрем поодиночке.

Помните, стихотворение Зинаиды Гиппиус из одних эпитетов? Вот и Яснов рисует портрет страны, описывая страшные судьбы поколений беспощадными эпитетами:

Уцелевшие двадцатых,
 обреченные тридцатых,
 перемолотые сороковых,
 задушенные пятидесятых,
 надеющиеся шестидесятых,
 исковерканные семидесятых,
 разобщенные восьмидесятых,

нищие девяностых —
уцелевшие, обреченные, перемолотые, задушенные, надею-
щиеся,
исковерканные, разобщенные, нищие. . .

Однако самым глубоким я считаю перевод стихотворения Апол-
линера «Бестиарий, или кортеж Орфея», сделанный Михаилом
Ясным в 1994 году. Это настоящая лирика — её трудно коммен-
тировать, непросто читать, а прочтя, невозможно забыть. . .